

Россия в Восточноазиатском регионе

В. И. БАЛАКИН

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье отмечается, что анализ развивающегося процесса восточноазиатской региональной интеграции в межкризисный период 1998–2008 гг. выявил постепенное уменьшение возможностей США влиять на становление Восточноазиатского общего рынка. Растущая мощь Китая обусловила его лидирующую роль в формировании системных интеграционных институтов в Восточной Азии.

Поиск Россией статуса восточноазиатской державы вполне логично вписывается в общий китайский интеграционный проект в рамках формулы АСЕАН+1(КНР). Возникает потенциальная возможность «большого компромисса» между КНР, США и Японией. Это противоречит геополитическим интересам России, так как фактически превращает российский Дальний Восток в сырьевой придаток трех крупнейших держав. Чтобы не допустить этого, Россия должна целенаправленно формировать самый благоприятный инвестиционный климат для расширения перетока прямых капиталовложений из ее западных районов в дальневосточные территории. Российскому Дальнему Востоку не следует рассчитывать на иностранные инвестиции, чему жестко противодействуют США, особенно на японском направлении.

Отстранение Японии от лидерства в восточноазиатской интеграции вызвано тем, что на японской территории находятся американские военные базы. Это делает Токио полностью зависимым от Вашингтона в реализации национальной внешней политики в Восточной Азии. Автор приходит к выводу, что сложившаяся сегодня ситуация в Восточноазиатском регионе свидетельствует о набирающих силу процессах ускоренного экономического развития и их неуклонной трансформации в китаецентричную интеграционную модель.

При подготовке статьи были проанализированы источники, позволившие показать объективную ситуацию с местом и ролью России в процессах восточноазиатской интеграции.

Ключевые слова: Китай, Россия, США, Япония, восточноазиатская интеграция, Восточноазиатский общий рынок.

Восточная Азия постепенно занимает все более важное место в российской внешней политике. Во многом это предопределено настойчивым стремлением Российской Федерации преодолеть синдром разрушительных процессов в государстве, лишившемся в 90-е годы XX в. более 60% ВВП в национальной экономике. В результате сильно ослабленная Россия вынуждена была сконцентрироваться исключительно на решении своих внутренних проблем, утратив способность, а иногда и желание отстаивать национальные интересы не только в дальнем, но и в ближнем зарубежье. Свой ВВП Россия смогла восстановить лишь в 2006 г., когда предпринятыми сверхусилиями властей в стране был в целом преодолен политический и экономический хаос, когда на должный уровень были возвращены процессы социального и хозяйственного развития. Постепенно Российское государство, окрепнув изнутри, стало возвращаться на международную арену в качестве серьезного геополитического игрока, выстраивающего собственное понимание глобальной ситуации и выбирающего наиболее перспективные направления регионального взаимодействия со своими зарубежными партнерами.

Особое внимание в межкризисный период 1998–2008 гг. руководство России сосредоточило на разработке стратегии вхождения в качестве равноправного члена Восточноазиатского экономического сообщества (Хатояма, 2009: 2). Сложившаяся ситуация в регионе Восточной Азии свидетельствовала о набирающих силу процессах ускоренного экономического развития с их неуклонной трансформацией в китаецентричную интеграционную модель. По комплексным оценкам ряда западных специалистов, возрастание лидирующей роли Китая обуславливалось сразу несколькими важными причинами. Прежде всего, экономика КНР демонстрировала впечатляющие темпы роста, что неизбежно привело к сдвигу регионального баланса сил в пользу Пекина. К тому же серьезный финансовый кризис 1997–1998 гг. создал уникальные предпосылки, весьма благоприятствовавшие безудержной инвестиционной и геополитической экспансии Китая (Хуе, 2009: Электр. ресурс).

Названный тренд оказался объективно выгодным России, поскольку в какой-то степени ограничивал возможности США влиять на становление Восточноазиатского общего рынка. В частности, фактическое отстранение Японии от функции лидера процесса восточноазиатской интеграции, с точки зрения того же Китая, вызвано тем, что нахождение на японской территории американских военных баз делает эту страну полностью зависимой от Вашингтона в реализации национальной внешней политики в Восточной Азии, а это означает, что Токио будет неизбежно проводить прежде всего американские интересы в рамках интеграционных процессов. Кроме всего прочего, сохраняющаяся в государствах Восточной Азии память о военных преступлениях японской императорской армии периода Второй мировой войны вряд ли позволит любому китайскому правительству допустить попытки с японской стороны навязать народам Восточноазиатского региона новый вариант предвоенной «зоны совместного процветания». Современный ущербный политический статус Японии, настойчивое стремление Токио возродить пресловутое «нормальное государство» совершенно очевидно не дадут возможности в обозримой перспективе японскому руководству претендовать на роль регионального лидера (Кимидзима, 2009: 171).

По оценкам западных экспертов, реальное право на представительство региональных интересов Восточной Азии скорее всего будет определено в результате некоего «большого компромисса» между Китаем и Россией.

Становление России в качестве восточноазиатской державы достаточно гармонично вписывается в китайский интеграционный план «АСЕАН+1(КНР)». В США, например, считают, что названная формула интеграции больше мотивирована некими политическими соображениями, нежели экономическими. Американские эксперты прослеживают вполне очевидную непосредственную связь между стремлением КНР реально создать полностью подконтрольную зону свободной торговли со странами Юго-Восточной Азии и окончательно похоронить идею восточноазиатского лидерства Японии. Американские оценки способности Токио возглавить интеграционный процесс в Восточной Азии по большей части негативные и в целом связаны как с политической слабостью собственно японского государства, так и набирающей силу российской заинтересованностью занять в рамках формирующегося Восточно-азиатского общего рынка устоявшиеся геополитические позиции. В то же время Россия не может допустить ущемления собственных стратегических позиций в регионе в результате вполне возможного американо-китайско-японского большого компромисса (Energy Cooperation ... , 2009: 11).

Настойчивое стремление китайского правительства централизовать региональные взаимоотношения с самого начала XXI в. в целом определяется попытками как-то трансформировать постоянно возникающие международные вызовы в реальные возможности укрепления национального геополитического потенциала при формировании Восточноазиатского общего рынка. Примечательна позиция КНР в связи с углубляющимися интеграционными процессами в Восточной Азии, проявляющаяся в сосредоточении усилий на двух основных направлениях, а именно: закреплении у руководства стран АСЕАН устойчивого ощущения непоколебимого китайского регионального лидерства и поддержание у России желания стать полноправной восточноазиатской державой в контексте отмеченного выше регионального лидерства Пекина. Китайские усилия на первом направлении уже принесли конкретные результаты в виде достигнутых договоренностей с АСЕАН начать с января 2010 г. осуществлять режим зоны свободной торговли на всей территории Китая и стран Юго-Восточной Азии с фактическим взаимным обнулением всех существующих таможенных пошлин. Второе направление предпринимаемых руководством КНР усилий пока находится в некотором расплывчатом состоянии, поскольку со стороны Российской Федерации ясного признания статуса восточноазиатского лидера за Пекином еще не прозвучало. В Китае, однако, умеют ждать, как всегда набрались терпения и не спешат инициативно побуждать Россию делать какие-то официальные заявления на данный счет, предпочитая на нынешнем этапе приобрести абсолютно неоспоримую лидерскую мощь в формате Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (Ива-сита, 2009: 59).

В России лидерские амбиции КНР воспринимаются вполне спокойно, и в складывающейся международной ситуации на просторах Восточноазиатского региона они даже полезны с точки зрения обеспечения дополнительных возможностей стабилизации политического равновесия в странах ЮВА. Своеобразный китайский «экономический зонтик» в регионе вполне приемлем, так как сегодня трудно рассчитывать на какие-либо серьезные финансовые инициативы со стороны США, серьезно увязших в иракском и афганском конфликтах. Выстраивание Китаем вокруг себя контролируемой зоны свободной торговли дает региону Восточной Азии ощущение некой устойчивости, что в условиях продолжающегося финансового кризиса сохраняет надежду на более или менее приличный выход из весьма тревожной ситуации.

Экономический рост КНР неизбежно будет способствовать возрастанию политического веса Пекина, а значит, объективно провоцировать США, Японию и Россию на некие адекватные шаги в сторону взаимного сближения.

Но для России любые тактические выгоды от сближения с США и Японии весьма чреваты серьезным стратегическим проигрышем в долгосрочных взаимоотношениях с Китаем. Сложная геополитическая игра Пекина на американо-японском направлении несомненно преследует сегодня внутрицивилизационные цели регионального уровня. Россия пока еще не осознала свои долгосрочные национальные интересы в Восточной Азии и в данной связи ни в коей мере не может как-то позитивно повлиять в практическом плане на формирование системы восточноазиатской региональной безопасности. Да и сама система региональной безопасности в Восточной Азии имеет на настоящий момент, по существу, два измерения: стабильность в ситуации на Корейском полуострове и поддержание эволюционного характера китайско-тайваньского мирного диалога. Россия должна в полной мере осознавать, что нарастающее региональное лидерство Китая напрямую ведет к существенным изменениям международного порядка в Восточной Азии и, как следствие, в значительной мере затронет коренные национальные интересы США (Ван, 2009: 34).

В контексте возможных вышеназванных изменений у России тем не менее есть одна проблема, от грамотного урегулирования которой во многом будет зависеть будущая роль нашей страны практически во всех сферах американо-китайского соперничества в Восточной Азии. Речь идет об объективных союзниках, традиционно дистанцирующихся от сфер притяжения Вашингтона и Пекина. Одним из таких потенциальных союзников продолжает оставаться Вьетнам. Вьетнамская производственная инфраструктура, во многом созданная при содействии Советского Союза, нуждается в существенной модернизации. Стопроцентно советская «технологическая идеология» вьетнамской производственной базы предоставляет Российской Федерации исключительный шанс приобрести в рамках АСЕАН «полигон» для продвижения современных отечественных технологий, особенно в сфере энергетики, а также в энергетическом и транспортном машиностроении.

Растущее лидерство КНР в Восточной Азии объективно затрудняет становление Российской Федерации в качестве дееспособной восточноазиатской державы. Страны АСЕАН и в какой-то мере Республика Корея были бы не прочь найти в лице России реальный противовес усиливающемуся соперничеству США и Китая в регионе. Однако нынешняя неопределенность и даже некоторая политическая расплывчатость российских международных приоритетов на восточноазиатском направлении заставляет асеановскую и южнокорейскую дипломатию на нынешнем этапе искать компромиссные развязки в сложных геополитических вопросах путем реализации тактики мелких уступок в обе стороны: и Пекину, и Вашингтону. В то же время сегодня уже прослеживается тенденция у ряда стран АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Индонезия) к выстраиванию с Россией самостоятельного комплекса взаимоотношений на перспективу. Если Сингапур и, возможно, Южная Корея заинтересованы прежде всего в технологическом сотрудничестве собственно на российском рынке, то Малайзия и Индонезия со всей очевидностью стремятся к привлечению прямых российских инвестиций в собственную экономику (Имаока, 2009: 8).

Обращают на себя внимание некоторые новые нюансы в восприятии Соединенными Штатами Америки становления России в качестве ответственной региональной державы Восточной Азии. Некоторые американские эксперты полагают, что

объективно именно Российская Федерация способна стать реальным противовесом растущей геополитической роли Китая в регионе. В США рассматривают Монголию и Вьетнам потенциальными причинами обострения будущих российско-китайских разногласий. По мнению авторитетного эксперта исследовательского центра проблем Восточной Азии при Берлинском университете Гумбольдта Гордона Реддинга (Redding, 2009: 141), стремление российской дипломатии обеспечить себе долгоиграющие преимущества на Корейском полуострове также вряд ли понравятся китайскому руководству, стремящемуся законсервировать ситуацию с двумя враждебными друг другу корейскими государствами. Выбирая «из двух зол меньшее», США скорее всего предпочтут в обозримой перспективе медленное укрепление в Восточной Азии позиций России, чем стремительно нарастающее доминирование КНР. В пользу этого варианта развития событий говорят и явные попытки руководства Монголии и Вьетнама противопоставить усиливающемуся китайскому экспансионизму не откровенное блокирование с Вашингтоном и Токио, а «мягкое» углубление традиционных экономических связей с Москвой.

Однако для Российской Федерации в данной связи неизбежно встанет вопрос кадрового обеспечения своей внешней политики на восточноазиатском направлении в целом и в формате отношений с такими государствами, как Вьетнам, обе Кореи и Монголия в частности. Нараставший финансовый кризис только ухудшал и без того непростую ситуацию, поскольку не давал возможности кому-то себя проявить. Наверное, еще рано ставить диагноз отдельным тенденциям в процессе формирования восточноазиатского рынка, однако то, что касается России и ее будущей роли в Восточноазиатском регионе, кадровый дефицит профессиональных специалистов лишь последовательно обостряется. Во многом именно названный фактор мешает российским компаниям проводить активную инвестиционную политику на рынках восточноазиатских стран. В обозримой перспективе проигранная конкурентная борьба США и Евросоюзу в Восточной Азии может привести к утрате Россией статуса лидера в данном регионе.

Становление России в качестве ответственного члена Восточноазиатского экономического сообщества предопределено уникальными перспективами развития данного важнейшего рынка современности. После некоторого спада первой волны финансового кризиса 2008 г., начиная с лета — осени 2009 г., рынок вновь неуклонно расширяется, что позволяет говорить о реальном оживлении конъюнктуры спроса. Международные специалисты уже отмечают устойчивый спрос на разработку новых продуктов, маркетинг и даже продажи высокотехнологичного оборудования, способного обеспечить ускоренную модернизацию наукоемкого производства. Многие известные корпорации из США и Евросоюза начинают задумываться о новых бизнесах в Восточной Азии, а некоторые уже выходят на вьетнамский и монгольский рынки с конкретными предложениями, являющимися, по своей сути, вызовами традиционным позициям России в названных странах. Последнее объясняется низкой эффективностью российского технологического экспорта, а также элементарным незнанием долгосрочных модернизационных приоритетов местных правительств.

Затянувшийся финансовый кризис заставил собственников крупных российских компаний достаточно радикально пересматривать взгляды на развитие деловой ситуации в Восточной Азии. Начиная с апреля 2009 г. акцент в бизнес-стратегиях стал смещаться в сторону ускоренного формирования профессиональных команд менеджеров, знающих реальную ситуацию в регионе и способных отыграть у американ-

ских и европейских конкурентов их незаслуженную фору. В то же время российские приоритеты в Восточной Азии остались прежними: стратегическое планирование как на государственном, так и на корпоративном уровне, сконцентрированная операционная деятельность, финансовая целесообразность. Вместе с тем появились и определенные важные изменения в стратегическом планировании, выразившиеся в активном стремлении собственников корпораций интересоваться деталями развития бизнеса, а именно прояснять вопрос о том, как и за счет чего ранее достигались позитивные результаты. Исключительно востребованы стратегическое видение перспектив развития бизнеса и его синхронизация с действиями Российского государства по закреплению своего статуса великой державы Восточной Азии (Кавагути, 2004: 42).

Речь идет не просто об инвестиционной и инновационной деятельности на восточноазиатском рынке, а о реализации конкретных высокотехнологичных проектов российскими компаниями в регионе. В подобных случаях российский бизнес должен знать, как функционирует рынок в данной конкретной стране Восточной Азии, с какими потенциальными сложностями может столкнуться российская компания при получении всех необходимых лицензий для реализации проекта, каким образом местное законодательство защищает законные интересы иностранных инвесторов. Осознавая свои пока еще слабые позиции в странах Восточной Азии, российские компании заранее формулируют строгие требования к рынкам восточноазиатских государств с учетом своих особенностей и особенностей правовой системы каждой конкретной страны. Главным требованием российской компании к рынку любой восточноазиатской страны должны стать знание местной индустрии и готовность при благоприятных условиях в кратчайшие сроки занять в данной индустрии собственную уникальную нишу. Российская компания, чтобы быть оцененной местным рынком, должна предложить новые методы работы и более того — продемонстрировать умение и желание научить этим методом местных специалистов, сделать их достоянием своих местных партнерских корпораций.

Все российские немногочисленные инвестиционные проекты в Восточной Азии имеют на настоящий момент проблемы с местными властями по поводу подрячков, недостаточно мотивируют последних, перегружены плохими дополнительными кредитами, полученными уже в ходе реализации проектов. Низкая финансовая грамотность проектантов приводит к необоснованным издержками в маркетинге, выражающимся в непропорционально масштабных презентационных компаниях с ограниченными бюджетами. Сегодня акционеры российских корпораций, инвестирующих в Восточной Азии, прежде всего заинтересованы не столько в наращивании капитализации заграничных проектов, как это было до кризиса 2008 г., сколько в непременном обеспечении положительных базисных показателей при реализации проектов, а также в эффективном управлении денежными потоками в рамках годовой перспективы. Поддерживая масштабные инвестиции в восточноазиатском направлении, российское правительство требует от проектантов высокого мастерства операционного управления, гармонично сочетаемого с насущной необходимостью стратегического видения геополитической перспективы капиталовложений в той или иной стране Восточной Азии. Российская Федерация не может себе позволить опираться только на одну энергетическую нишу восточноазиатского рынка, где ее ждет гарантированный успех, но стремится ставить национальному бизнесу также задачи, внутри которых вырисовываются сразу несколько сценариев достижения стратегических целей.

Стремясь стать конкурентоспособным игроком в рамках восточноазиатской интеграции, Российская Федерация должна в полной мере учитывать, что на начальном этапе отдача российских капиталовложений в Восточной Азии скорее всего будет на 10–15% ниже, чем она могла бы быть на внутреннем рынке, поскольку компенсационные издержки, всегда сопровождающие подобные капиталовложения, нередко оказываются в случае Китая плохо прогнозируемыми. Сегодняшние российские инвесторы придерживаются основополагающего принципа получить четко выраженный результат за минимально возможные деньги, что на современном китайском рынке вряд ли достижимо. Весьма жесткую инновационную конкуренцию России начинают составлять германские фирмы, особенно те, которые имеют свою национальную производственную базу на территории бывшей ГДР. Подобные предприятия уже преодолели этап сэзовской отсталости и выстраивают свое нынешнее производство, опираясь на лучшие достижения достаточно продолжительного периода социалистической экономики, оплодотворенные современными западными технологиями. В Китае хорошо реализуется машиностроительная продукция, сделанная на восточногерманских предприятиях, и это может стать стимулом для российско-германского сотрудничества на территории КНР, особенно на китайском северо-востоке (Дунбэй) (Ichimura, 2004: 334).

Рост продаж в рамках российского высокотехнологического экспорта на восточноазиатском направлении, похоже, должен привести к суровой необходимости дополнительного прояснения торговых отношений с Вашингтоном, поскольку последний снова явно намерен обусловить состоявшееся присоединение Москвы к Всемирной торговой организации (ВТО) выполнением собственных, не всегда отвечающих российским интересам, требований. Американцам абсолютно не нравится вариант намечающейся китайско-российской договоренности относительно выделения из формата АТЭС самостоятельного экономического форума государств Восточной Азии. Так называемая англосаксонская группа АТЭС в составе США, Канады, Австралии и Новой Зеландии явно опасается, что обособленный Восточноазиатский общий рынок станет для них слишком конкурентоспособным, особенно в сфере инновационного развития. Предшествующее глобальное доминирование США в области финансовых операций позволяло достаточно успешно подгонять технологическое развитие того же Китая под устраивающую Вашингтон матрицу. В случае же независимой восточноазиатской парадигмы регионального развития американским корпорациям станет нечего предложить на огромный формирующийся Восточноазиатский общий рынок (Lin, 2008: 134).

Интеграция России в восточноазиатское экономическое пространство явно придает региону несколько иную парадигму экономического развития. Преимущества этого уже достаточно четко осознают в Пекине, ориентируясь в долгосрочной перспективе на значительное углубление прямого инвестиционного взаимодействия с Москвой. Зависимость от конкретного результата сегодня в Китае ставят во главу угла любой экономической модели развития. Последний глобальный кризис показал, что «у разбитого корыта» остаются те экономики, которые делают ставку не на конкретный результат, а исключительно на процесс извлечения сиюминутной выгоды. Подобный подход китайского правительства к международному экономическому сотрудничеству должен послужить России важнейшим ориентиром при вступлении на путь восточноазиатской интеграции, ибо сегодняшний негативный опыт Японии, чьи фирмы безоглядно бросились в начале 90-х годов прошлого столетия

осваивать рынок КНР, должен предостеречь отечественное предпринимательство как минимум от трех опасностей: во-первых, ставки на создание в Китае новых производственных мощностей полного цикла; во-вторых, акцента на последующую экспортную ориентацию создаваемых в Китае предприятий; и в-третьих, полного перехода на выплату налогов в рамках китайской юрисдикции.

Долгосрочные национальные интересы России настоятельно требуют всестороннего анализа плюсов и минусов взаимодействия с Китаем в рамках предлагаемой последней модели формирования региональных структур Восточноазиатского общего рынка. Следует признать, что сегодняшнее экономическое присутствие России в Восточной Азии рассматривается странами региона как незначительное и мало влияющее на развивающиеся интеграционные процессы. Более того, эрозия военного потенциала России на Дальнем Востоке породила у некоторых международных аналитиков ощущение срочной необходимости приступить к разработке апокалиптических сценариев на случай реальной утраты правительством Российской Федерации общего, а главное — эффективного контроля над социально-экономической и геополитической ситуацией в Дальневосточном федеральном округе. Серьезные сомнения в способности, а главное — в желании России заниматься своими восточными территориями стимулировали непрестанные провокационные заявления некоторых высокопоставленных лиц о некоей *«исключительно европейской судьбе российского государственного развития...»* (Schott, Goodrich, 2001: Электр. ресурс). К глубокому сожалению, восточноазиатский вектор в российской внешней политике, несмотря на определенно появляющуюся амбициозность долгосрочных планов, продолжает оставаться слабым и непоследовательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хатояма, Ю. (2009) Тоа кёдотай: кэйдайзайдзё но ригаи [Восточноазиатское сообщество: столкновение экономических интересов] // Токио симбун. 29 октября. 94 с. (На яп. яз.).

Кимидзима, А. (2009) Хигаси Адзия но хэйва то Нихонкоку кэмпо [Мир в Восточной Азии и конституция Японского государства]. Токио : Риммэйкан дайгаку кокусай кэнкю. 190 с. (На яп. яз.).

Ивасита, М. (2009) Юрадзия кёдотай но котику ни мукэта рэнкэй [Взаимосвязи, направленные на формирование Евразийского сообщества]. Токио : Кэйданрэн Рэбю. 81 с. (На яп. яз.).

Ван, Ш. (2009) Хигаси Адзия тиикинай кёрёку тайсэй то ТюНити канкэй [Система регионального сотрудничества в Восточной Азии и китайско-японские отношения]. Шанхай : Адзия тайхэйё кэнкю. 58 с. (На яп. яз.).

Кавагути, Ё. (2004) Тюо Адзия то Нихон [Центральная Азия и Япония]. Токио : Токио дайгаку тоё бунка кэнкюдзё. 74 с. (На яп. яз.).

Energy Cooperation between China and Russia: An Overview (2009) : A Report. Houston, TX : The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University. 24 p.

Imaoka, H. (2009) Direct Investment to Malasia and Indonesia. Tokyo : Tonan Ajia Kenkyu. 92 p.

Ichimura, S. (2008) German Management in North East China. Tokyo : Japanese Economic Studies. 392 p.

Lin, L. Y. C. (2008) Asian Economic Crisis. Ann Arbor, MI : The University of Michigan Press. 192 p.

Redding, S. G. (2009) The Spirit of Chinese Capitalism. Berlin : Walter de Gruyter. 151 p.

Schott, J., Goodrich, B. (2001) Economic Integration in Northeast Asia : Paper Presented at the KIEP/KEI/CKS Conference on the Challenges of Reconciliation and Reform in Korea, Los Angeles, CA, 24–26 October [Электр. ресурс] // The Peterson Institute for International Economic. URL: <http://www.piie.com/publications/papers/schott1001-1.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 22.11.2013).

Xue, Hanquin. (2009) China-ASEAN Cooperation: A Model of Good Neighbourliness and Friendly Cooperation : A Speech Presented at the Institute of Southeast Asian Studies (ISEAS), Singapore, 19 November [Электр. ресурс] // ASEAN Studies Centre. URL: <http://asc.iseas.edu.sg/images/stories/pdf/Speech-Xue-Hanqin-updated.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 22.11.2013).

Дата поступления: 22.11.2013 г.

RUSSIA IN THE EAST ASIAN REGION

V. I. BALAKIN

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article points out that an analysis of the developing process of East Asian regional integration during the inter-recessionary period of 1998–2008 has discovered a gradual decrease in the U. S. opportunities to influence the development of an East Asian common market. The growing power of China has provided its leading role in the establishment of system integration institutions in East Asia.

Seeking a status of an East Asian power Russia, logically enough, complies with the general Chinese integration project formulated as ASEAN+1(PCR). There is a potential possibility of so called “great compromise” between China, the USA and Japan. This runs counter to the Russian geopolitical interests because this possibility may actually make the Russian Far East a mere supplier of raw materials for the three major powers. In order to prevent this, Russia should persistently develop the most supportive investment climate to intensify the inflow of direct investments from its Western regions to the Far Eastern territories. Russian Far East should not count on foreign investments because of the U.S. stiff resistance to that process, especially in the Japanese area.

The removal of Japan from the function of the East Asian integration leader is caused by the deployment of American military bases on the Japanese territory. This makes Tokyo fully dependent on Washington in the implementation of national external policy all over East Asia. The author draws a conclusion that the present situation in the East Asian region indicates the growing processes of accelerated economic development and their implacable transformation into a China-oriented integration model.

The article is based on the analysis of sources that allow to present an objective situation regarding the place and role of Russia in East Asian integration processes.

Keywords: China, Russia, USA, Japan, East Asian integration, East Asian common market.

REFERENCES

Hatoyama, Y. (2009) Toa kyodotay: keizaijo no rigai [East Asia Community: A Collision of Economic Interests]. Tokyo simbun. 29 October. 94 p. (In Jap.).

Kimijima, A. (2009) Higasi Ajia no heiwa to Nihonkoku kempo [Peace in East Asia and the Constitution of the Japanese State]. Tokyo, Rimmeikan daigaku kokusai kenkyu. 190 p. (In Jap.).

Iwasita, M. (2009) Yurajia kyodotai no kotiku ni muketa renkei [Interrelations Aimed to Form an Eurasian Association]. Tokyo, Keidanren Review. 81 p. (In Jap.).

Wang, Sh. (2009) Higasi Ajia tiikinai kyoryoku taisei to TyuNichi kankei [East Asia Regional Cooperation System and China-Japan Relations]. Shanghai, Ajia taiheiyo kenkyu. 58 p. (In Jap.).

Kawagutti, Y. (2004) Tyuo Ajia to Nihon [Central Asia and Japan]. Tokyo, Tokyo daigaku toyo bunka kenkyujo. 74 p. (In Jap.).

Energy Cooperation between China and Russia: An Overview (2009) : A Report. Houston, TX, The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University. 24 p.

Imaoka, H. (2009) Direct Investment to Malasia and Indonesia. Tokyo, Tonan Ajia Kenkyu. 92 p.

Ichimura, S. (2008) German Management in North East China. Tokyo, Japanese Economic Studies. 392 p.

Lin, L. Y. C. (2008) Asian Economic Crisis. Ann Arbor, MI, The University of Michigan Press. 192 p.

Redding, S. G. (2009) The Spirit of Chinese Capitalism. Berlin, Walter de Gruyter. 151 p.

Schott, J., Goodrich, B. (2001) Economic Integration in Northeast Asia : Paper Presented at the KIEP/KEI/CKS Conference on the Challenges of Reconciliation and Reform in Korea, Los Angeles, CA, 24-26 October. The Peterson Institute for International Economics. [online] Available at: <http://www.piie.com/publications/papers/schott1001-1.pdf> [archived in WebCite] (accessed 22.11.2013).

Xue, Hanqin. (2009) China-ASEAN Cooperation: A Model of Good Neighbourliness and Friendly Cooperation : A Speech Presented at the Institute of Southeast Asian Studies (ISEAS), Singapore, 19 November. ASEAN Studies Centre [online] Available at: <http://asc.iseas.edu.sg/images/stories/pdf/Speech-Xue-Hanqin-updated.pdf> [archived in WebCite] (accessed 22.11.2013).

Submission date: 22.11.2013.

Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений и туризма Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-55-90. Эл. адрес: viacheslavbalakin@rambler.ru

Balakin Vyacheslav Ivanovich, Candidate of Science (law), associate professor of the Regional Studies Department of the Faculty of International Relations and Tourism, Moscow University of Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel: +7 (499) 374-55-90. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru